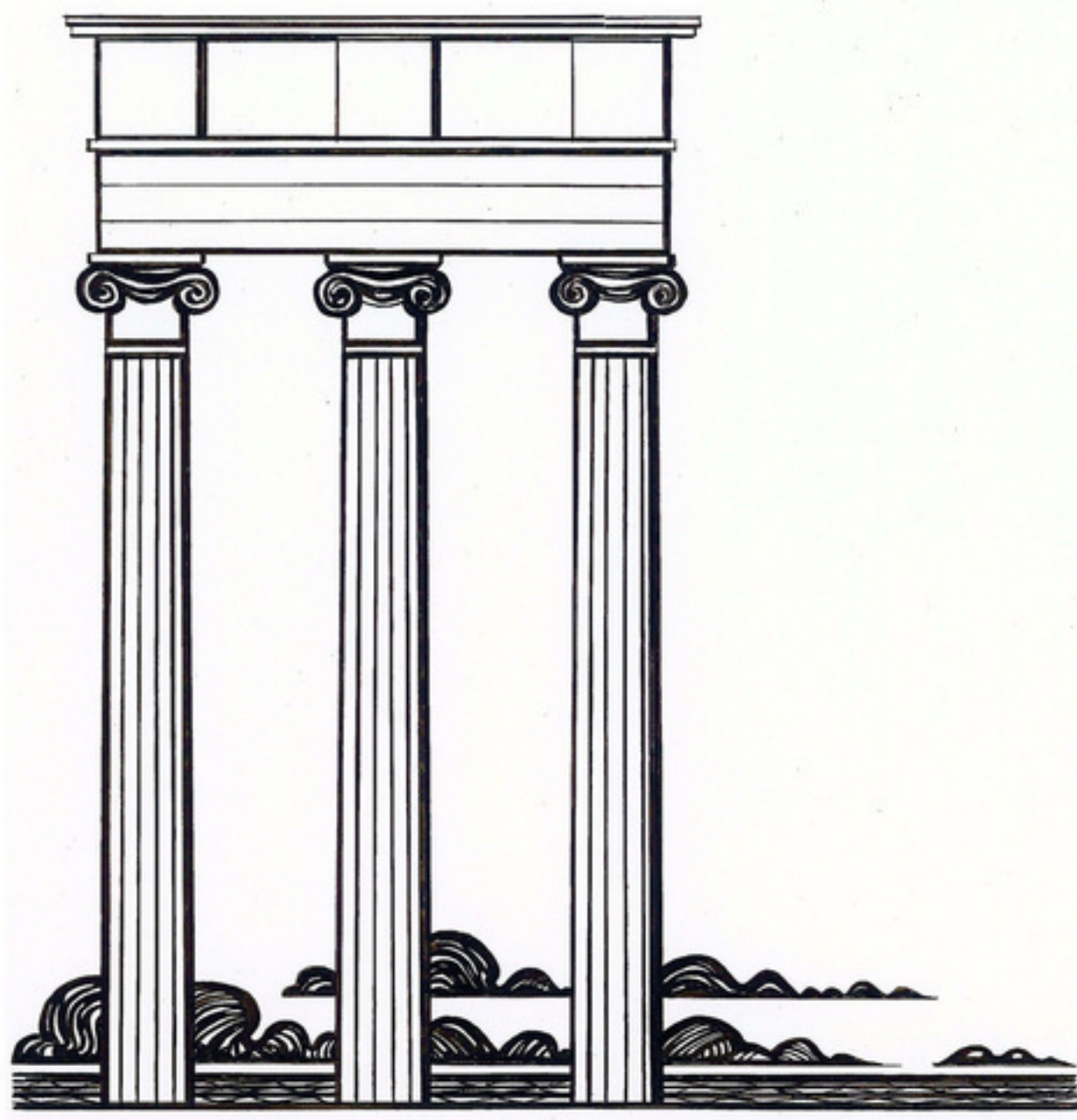

АЛЕКСАНДР ЦЫГАНКОВ

ДОСЛОВНЫЙ МИР

Александр Цыганков

Дословный мир.
Третья книга стихов

«Автор»

2012

Цыганков А.

Дословный мир. Третья книга стихов / А. Цыганков — «Автор»,
2012

В книгу «Дословный мир» вошли стихотворения томского поэта и художника Цыганкова Александра Константиновича, лауреата литературной премии журнала «Юность».

© Цыганков А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Ветка	6
Мотив	7
Плывущие Голгофы	8
Простая песня	9
Неподкупность	10
Лес расходящихся тропок	11
Сверка времени	12
Свиток	13
Девкалион и Пирра	14
Мы	15
Суровый стиль	16
1	16
2	17
3	18
Просодия. Пение на ходу	19
1	19
2	20
3	21
Последний островок	22
Костёр	23
Сухой апрель	24
Затменная звезда	25
Крыло совы	26
Невод полный серебряных блёсен	27
Классический пример	28
Двойник	30
Первый снег	31
Дословный мир	32
Метель	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Константинович Цыганков Дословный мир. Третья книга стихов

Ветка

Слово приводит в порядок не вещи, а нас.
Тонкая веточка к дикому дереву привита.
В кроне безвременья, словно словарный запас,
Зреют плоды в говорливой листве алфавита.
Сколько же радости было в прозрачных лесах —
Ветер в обвалах листвы и поющая крона,
Ропот ветвей, что, как вены, в густых небесах,
И судьбоносных созвездий венец и корона!

Где это всё? И зачем на дощатом столе
Белый кувшин и багровая тяжесть рябины?
В сей кутерьме – в золотой да серебряной мгле —
Грустью просвечены лучшие наши картины.
Кроет окрестности века разбойничий свист!
Время, как ветер, в дремучем лесу алфавита
Вдруг прошумит, рассыпаясь листвою на лист.
Только зачем эта веточка к дереву привита?

8.2005 (8.2008)

Мотив

Мне хотелось бы жить, путешествуя там,
Где во снах не могли ни Улисс, ни Ясон
Побывать и остаться – подняться к богам,
Что и сами взошли на чужой небосклон.
Мне хотелось бы жить, а не быть на виду
И не радовать взор одноглазых часов.
Я и так под прицелом. Я ровно иду
По изломанной кромке крутых берегов!

Мне хотелось бы жить! Не предлог, не глагол —
Каламбур, ветерок, что сдувает с руки
Измельчённый зрачок Полифема на стол,
Рассыпая согласные новой строки.
Будет берег и дом. Будет плеск в темноте!
Будет шторм и скала – и раздолье волнам!
Будет гулкое эхо в ночной пустоте —
Мне хотелось бы жить, путешествуя там...

12.1996

Плывущие Голгофы

*Прошло сто лет – и что ж осталось
От сильных, гордых сих людей...*

А. С. Пушкин

Подумать только! Он ещё плывёт —
Корабль... Мне эпитетов не хватит,
Чтоб выразить, как время ветром катит
Громаду по волнам, что в свой черёд
И нам воспеть уже пришла пора —
Мужицкую и царскую отвагу!
Построить флот – не вымарать бумагу,
Как чью-то славу, росчерком пера.

Но веком правил грозный мореход —
И город рос, и дело пахло дракой...
Расхристанным портовым забиякой
Сходил с лесов помазанник в народ.
И плотники на мачтовых крестах
Висели, и плывущие Голгофы
Выстраивались в море, словно строфы —
«Полтавы» – в драматических стихах.

10.2005

Простая песня

Исследователь тайны! Мир – не карта,
Да и не карты в шулерской колоде.
Я мыслю, значит – следую свободе!
Что ветреней, чем, скажем, у Декарта,
Зато верней, чем бред о розе дивной,
Какая бы вовек не увядала.
Одной любви для целой жизни мало!
И кажется нам истина наивной.

Пусть прост мотив, но песня тем славнее,
Чем с ветерком созвучней! Словно это
Той вольности немислимой примета!
И чем смелее голос, тем вернее!
Гармонии претят мечты о славе.
Начало музыки – вдали от хора!
Простая песня льётся из простора.
Играет море в каменной оправе.

7.1998(4.2007)

Неподкупность

С утраченной картины Полигнота

Достаточно представить – и вода
Преобразит рисунок части света,
Взволнованной гекзаметром поэта,
Как первые стихи и города.
И прозвучит вдали: «Скажи царям —
Оракул онемел...» И мир качнётся!
И кажется, что пифия смеётся,
Предсказывая гибель кораблям.

И дикостью продлённый на века,
Гремит во мгле гекзаметр Гомера
О том, что и пространство – полумера,
И время не верней черновика.
В одной строке – и жертва, и алтарь,
Безумный взгляд пророчицы и – море,
Где с бурей – во вневременном просторе —
Всё борется какой-нибудь дикарь.

9.2007 (3.2009)

Лес расходящихся тропок

Лес расходящихся тропок – от родника,
Чья чистота – как исповедь самурая.
Дальневосточный поезд издалека
Гулом пробил пространство лесного края.

Что там теперь, в том весёлом густом саду?
Светит ли лампа под мелкой старинной сеткой?
Где тот философ, мыслящий на ходу,
Что управлял оркестром ольховой веткой?

Поезд, как время, всё ускоряет ход,
Пересекая плоскость в картине сада
С тенью садовника, что заклинал восход
Неповторимой лексикой вертограда!

Можно исправить повести и стихи,
Но персонажей не привязать к предмету
Новой эстетики, как и все их грехи
Лучше оставить людям, чем бросить в Лету.

Только в садах вызревают плоды идей.
Образ Платона глубже, чем тень платана.
Лес, где расходятся тропки, как мир людей,
Не переносит ни ясности, ни тумана.

Как в иллюзорной графике полотна,
Мраморный идол, тот, что завис над бездной,
Благообразней кажется из окна
Поезда, что всё мчится из Поднебесной.

6.2006

Сверка времени

Мерю времени временщика
В час часовых разводящий завода,
С каждой секундой сверяя века,
Дни прибавляет во времени года.
Как соглядатай работы часов
Он, командир механических ножниц,
У проходной заревых облаков
Хрупких ткачих превращает в наложниц.

Крутится прялка ночная. Тик-так...
Миг звездопада на вспененном ложе!
В час пересменки вдохни натошак
Облако дыма и – бритвой по коже:
Прежде, чем с веком продолжить игру,
Тщательно выбрей широкие скулы!
Опохмелись на халдейском пиру
И поезжай – до Воронежа, Тулы
Или до Владика, где на часах
Будущий день и в картине восхода
Те же ткачихи с надеждой в глазах
Ждут свой корабль из времени года
Пляжных затей и бульварных стихов.
И разводящий не спит до рассвета,
При переводе двуручных часов,
Дни сокращая во времени лета.

Где ты, упрямый седой временщик?
Носишь ли фрак из трехцветного флага
Или к Пресветлому Лику приник?
Проятся в рифму: бумага, отвага...
Что там на третье? Раскручивай ось
Вечной рулетки! Не спи, соглядатай!
Радуйся, что пережить удалось
Время для стрелок. У парки лохматой
Спутаны нити. Какое число?!
Время как фурия мстит за измену!
Ветер стучит в лобовое стекло.
Море взбивает солёную пену.

8.2006

СВИТОК

Карта Отечества, свёрнутая в рулон,
Взгляд моряка, остановленный в точке схода
Моря и неба – с парусником в наклон,
В этой дали – как весточка из похода
Тех близнецов, проглядевших свои глаза, —
Кормчих, царевичей, на корабле Ясона.
Как продолжительна всё-таки бирюза
Времени, что привлекательней, чем корона —
В золоте острова, города – той страны,
Что разделяет ночь на потоки света.
И корабли, как письма, идут с войны,
Чтобы уйти от берега – без ответа.

Я оставляю рукопись. На столе —
Бронзовый бюст собрата и сборник песен,
Негоциантом найденный в той земле,
Где не поэт, а памятник интересен,
Скрученный в трубку, свиток, простой рулон,
Что ограничит линию горизонта,
Но развернётся – с парусником в наклон —
Время бегущей строчкой, как ветер с Понта.

11.2007

Девкалион и Пирра

Карты стареют раньше календарей.
Время течёт и выносит на берег века
Странную песнь обкуренных дикарей —
О корабле последнего человека.
Словно уже завершён внеземной полёт
Там, где Земля не светится в небосклоне!
Время – то остановится, то течёт,
То преломляется в новом Девкалионе.
Время растёт, как в небе внезапный снег,
И разливают морем печали мира...
Девкалион без карты ведёт ковчег.
Сколько теперь ей лет, не считала Пирра.

3.2008

Мы

Е. И. Замятину

Вы, Евгений Иванович, нас проглядели.
Мы – не в прозрачных домах, а в железных клетках!
Смотрим на мир – как в будущее – без цели.
Пестуем страх и ненависть в наших детках.

Мы – бесконтрольны, мы – не знаем предела!
Мы – не в ладу ни с совестью, ни с мечтою.
Вы приукрасили многое. В царстве тела
Всё великое кажется мишурою.

Мы – другие! И кто-то другой возвысил
Нас до вершины тёмной, как варвар в саге.
Мы – не верим в разум абстрактных чисел,
Вами сложенных столбиком на бумаге.

11.2007

Суровый стиль

1

Как высоки в безбашенные годы
Среди полей готические своды
Стремительной эпохи ново строя,
Но замок остаётся без героя.
Поскольку, если рыцарь, значит бедный,
Конечно, если он не принц наследный.
Ни Ричарда, ни короля Артура
Не вынесет сия архитектура,
Раз не щадила ни отца, ни сына
Столетия вторая половина.
И в первой – начинали с новостроя.
Закончили – и вынесли героя.

2

И всё-таки я верю! Оператор
Всегда за кадром – словно конквистадор
Во времени. И в том не наша воля.
Кто выразил себя в природе поля,
Того теперь и мы нарисовали!
Роман с Кармен – в кармической печали.
Пускай и в романтическом ореоле,
Свобода без жестокости – не боле,
Чем Дарвин для ребёнка, просто деда
Похожий на нетрезвого соседа.
И в мире Первозванного Андрея
Он так же избегал, как брадобрея.

3

В суровом стиле – живопись начала
Не века, а готического зала,
Где в самой сердцевине анфилады
Большая композиция осады
Огромной крепости крутой эпохи.
Над городом кровавые сполохи —
Как у Брюллова. Падая в пейзаже,
Тираны воскресают в Эрмитаже
И служат не уроком, а каноном, —
Придвинутые к мраморным колоннам,
Как будто ждут прихода Алигьери
В средневековом этом интерьере.

5–6.2007

Просодия. Пение на ходу

1

В том городе, где средние века
Пересеклись с эпохой расцвета
Науки и печатного станка,
Я в новый век, в сороковое лето,
Вошёл и не заметил, что вполне
Оправдано внезапным переходом
Кочевника к оседлости – в стране,
Освоенной торгующим народом.

Пронизан воздух боем часовым.
Сумятица. Скопление народа.
Поток машин преобразует в дым
Программу из поэмы Гесиода.
И над землёй ночной звезды отвес,
Что выпрямил когда-то человека,
Как маятник в механике небес
С картинки девятнадцатого века.

Всё связано. Калейдоскоп времён.
Синоптик по заказу гоминида
Даёт прогноз миграции племён —
В границах геометрии Эвклида.
И свет, и время вектором к земле
Направлены – к тотальному исходу,
К падению в единственном числе
Икара в ледниковую природу.

2

В том городе, над синею рекой,
Я верил, не испытывая веру.
И царь-комар, как мытарь городской,
Испытывал меня, порой – не в меру.
Когда бы не урок: «Будь глух и нем»,
Наверное, не выжил бы. Тот город
Теперь в другой эпохе вместе с тем
Двором, где был и голоден и молод,

Но как любил! И правил черновик,
Катренами, выстраивая строки.
Так было легче пересилить крик
И сохранить свидетельства, вещдоки
Того, чем жил, но, забывая – как,
Склонялся к осмыслению дороги.
Стремился вверх и попадал впросак.
Слагал элегии, читал эклоги.

И больше чем портрет, любил пейзаж,
Исполненный по осени с натуры,
В том городе, где небо – как витраж
Среди возвышенной архитектуры.
И звонницы одетые в леса,
И древние постройки на обрыве,
И жителей тревожные глаза —
Глядят мне вслед в обратной перспективе.

3

В том городе подземная река,
Как скрытая от смертных Гиппокрена,
Ещё выносит в мир из родника
Потоки из эпохи плейстоцена...
Но дальше – осторожней! Перебор
Грозит потерей сна, как части речи,
И памяти, что сводит кругозор
К отрезку времени и месту встречи.

Труды и дни! Наивный Гесиод
Не разгадал в Божественной картине
Простой круговорот проточных вод
Как следствие, влекомое к причине.
И нет уже ни города, ни той
Мелодии, что рождена до слова.
И снится нам тот город золотой
Под мягкий баритон Гребенщикова.

Распывчато, но верно. Городов
Пределы, словно небеса святыми,
Как воздухом, до самых облаков,
Пронизаны мечтами золотыми.
И в окнах золотой вечерний снег
Горит, как свет во тьме пирамидальной.
И город как спасительный ковчег
Подходит к лирике исповедальной.

3.2006

Последний островок

Последний островок весеннего снежка...
И всё! И мишура слетает понемногу.
Как выйду погулять, встречаю старика,
Что всякий раз один выходит на дорогу
И бродит день-деньской. И всякий раз, когда
Я – созерцая даль – закуриваю нервно,
То мыслю, что одна заветная звезда
Горит светлее дня в его душе, наверно.

3.2007

Костёр

Что было, то было. Костёр на поляне
В глубоком распадке с просветом в простор,
С прострелом для эха и речкой в тумане,
И невыразимая линия гор!
Вдруг вспыхнут, как в юности, жаркие споры
Подданных геологов и работяг
Про эти же самые реки и горы!
И песня звучит про таких же бродяг.
И крепким словечком крутого расклада
Прокатится эхо из дальних полей
О том, как пропала вторая бригада.
Опомнись, романтик! Вернись, дуралей!
Но вместо ответа, как вызов по «скорой»,
Поход за мадерой в большое село.
И словно с распутинскою Матёрой
Прощанье с эпохой, и вновь на крыло!
Чтоб с неба взглянуть на великие реки,
На синий, подёрнутый дымкой простор
И вдруг осознать, что остался навеки
Костёр на поляне. Запомни! Костёр!

3.2007

Сухой апрель

Простите ж мне соблазны и грехи...

А. С. Пушкин

Конец апреля. В городе от пыли
Першит в гортани. Траурные дроги.
Так сухо, словно плакальщиц забыли,
Чтоб окропить российские дороги.

Видать, перебороли слёзы верой.
Молчать! Молчать... И нет вернее слова,
Раз проводы закончились премьерой.
В сокуровском прочтенье «Годунова».

25.4.2007

Затменная звезда

Задумчивое время на холстах
Художников эпохи вертограда!
Что в ягодных, что в ленинских местах —
От Красноярска до Калининграда —
Классические серые тона!
И ветрено, и холодно. В просторе —
Эпохой упоённая страна!
И жители, как витязи, в дозоре,
Вдыхают на морозе алкоголь, —
И на дворе, и в жилах – ровно сорок! —
Когда звезда по имени Алголь,
Меня блеск, выходит на просёлок
И застит путь. Читай, наверняка
Летит во тьму. И глаз теодолита
Садится на маршруте старика —
От моря до разбитого корыта.

Как жаль, что нам всего не уберечь!
И мы росли среди картин и книжек...
И золотую рожь в родную речь
Вписал навек великий передвижник,
И смотрят в мир с классических холстов
Родные реки, нивы, горы, топи...
И в колорите царствует Серов
И с моря приближается к Европе.
Далёкое и близкое! Во мгле
Не блеск лучей, а выбор точки взгляда.
Я говорю о людях на земле!
Эпохам нашей жалости не надо.

5.2007

Крыло совы

Жили стаи рыб на вершинах вязов...
Квинт Гораций Флакк

У крика крыльев нет. И словно рыбы немые
И тени на воде, и отраженья, где мы,
Как пламя, гасим всё, что крик перекрывая,
Из нас глядит на дно, как будто рыба стая.

Расходятся круги веков от сердцевины,
И тихо, как в сети Всемирной паутины,
И в кроне включен свет, но всяк туда входящий
Едва исторгнет крик, сольётся с настоящей
Великой пустотой – до слова и до света.
Сгорает в темноте прямая речь поэта!

Коснётся тишины крылом сова ночная,
И робкая листва, как будто рыба стая,
Разрежет глубину и свяжет, как основа,
Взволнованную речь и сети рыболова.

4.2007

Невод полный серебряных блёсен

В понизовой тайге, там, где сказки длиннее, чем реки,
Непроглядная ночь – ни костра, ни окна вдалеке.
То ли духи плывут в небеса, то ли беглые ээки,
Как таймени, по дну, поднимаются вверх по реке.
Искромётный чалдон в обласке заряжает двустволку
И стреляет с воды – в темноту – для отвода души.
По-дурацки вполне! Словно сам человеку вдогонку
Всё кричал, как сорил, золотыми словами в глуши.

Ничего, ничего никому кроме денег не надо!
То ли время пришло, и срываются Гончие Псы
Со вселенских цепей. Наступают века звездопада,
И уходит земля – как песок – в золотые часы!
В непроглядную ночь – невод полный серебряных блёсен!
В ледяной пережат – искромётный чалдон с топором!
Словно знак водяной вдалеке отгоревшая осень
Рыжий профиль его всё рисует орлиным пером.

5.2007(11.2011)

Классический пример

Очерчивая круг метафорой крыла,
Как трудно разгадать, как сложно, в самом деле,
Осмыслить, почему – гроза уже прошла,
А дождь ещё идёт. И просто – как в новелле
«Орёл и Прометей». Крылатою мечтой
Растрезанная плоть – вот новая картина!
Над морем дышит грудь, и горы – под пятой,
И каждому – своя вторая половина!

И вновь рисует круг – во весь размах крыла! —
Орёл – как лейтмотив в развитии сюжета.
Но, может быть, простой метафора была,
И не был Прометей прообразом поэта.
Движение души не вырезать резцом.
Схождение огня не выразить стихами.
Классический пример – чернильница с пером —
Опасней, может быть, сражения с богами.

6.2007

Двойник

Ты остался один посреди пустырей и задворок,
Воплощая собой неизбежный для них снегопад,
И небесной золой покрывая доверчивый город,
Переводишь мечты, как часы, на столетье назад.

Проще некуда быть, чем холодным огнём на обрыве!
Разбери по слогам – и на землю звезда упадёт,
И в безлюдных полях, *там, вдали за рекой*, как впервые,
Вдруг откроется всё, воплощённое в этот полёт.

Так лети же, лети! Разгоняя частиц мириады,
В белом ритме баллад закружись над сибирской рекой.
И снежинкой одной, перемноженной на снегопады,
Разорви тишину за условной чертой городской.

Мне тебя переждать, пережить, пересилить бы надо,
Если б ты не возник в неизбежном паденье кругом.
Так лети же, лети – просветлённой душой снегопада!
Рассыпайся вокруг белоснежным его двойником.

10.1997(6.2006)

Первый снег

Николаю Рубцову

Как медленно и тихо над полями
Кружится снег, скрывая пеленой
И горизонт с далёкими огнями,
И небосвод с глубокой синевой,
В открытые зеркальные озёра
Летит – и продолжается в воде,
Примеривает полотно простора,
Чтоб выстлать путь Рождественской звезде.

Невольно вдруг подумаешь о Боге.
Волхвует ночь! И тихо снег летит.
Как будто кто-то близкий на дороге
О чём-то сокровенном говорит.
И светел путь, подчёркнутый, как мелом.
И белый снег растёт среди полей,
Как самый первый снег на свете белом
На самой тихой Родине моей.

11.1998(2.2007)

Дословный мир

Как много в нас невидимых примет,
Прочитанных, как принято, до срока,
Как странный сплав гордыни и порока
В пророчестве: «Таков и ты, поэт!»
Такой весь мир. Всё длится, как река.
Всему свои дороги и просторы.
Одни ведут ко дну, другие – в горы,
Чтоб тайнопись постичь наверняка.
Но мир, как лес, не стоил бы листа,
Когда бы не тропинка звукоряда —
Туда, где загораются от взгляда
Глухие заповедные места!

Картинки детства! Бабушкин цветок.
В окошке вид речушки Безымянной.
Дословный мир – державы деревянной!
И времени – попутный ветерок.
Впервые всё! Не вычеркнуть слова.
И не прервать молчания, в котором
Ты – весь простор и небо над простором.
И так светло! Кружится голова!
Ты сам среди немислимых примет
У тишины – как слово – на примете.
Ты – облако, которому на свете
Чужбины нет! Прочти его, поэт.

5.2008

Метель

Метель прочитана с листа.
Шлагбаум – в каждом твёрдом знаке.
Классическая простота —
Как вспышка выстрела во мраке.
Потом – погоня и кресты.
Кровавый след на корке наста.
И вьюги белые листы —
Как новый том Экклезиаста.
Чтоб каждому – от сих до сих —
Прочувствовать метель во вздохе,
Звучал прозрачный русский стих —
Как будто реквием эпохе.
И даже призрачный рассвет
На островах архипелага
Воспел – и не один – поэт!
Бумага вытерпит. Бумага
Пропахла дымом, табаком —
От Нерчинска до Беломора,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.